

О детском стремлении к полету, беседах с Хрущевым и разработке новой Конституции СССР

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1488>

12 ноября 2012

Собеседник

Бурлацкий Федор Михайлович

Ведущий

Споров Дмитрий Борисович

Дата записи

Беседа записана 12 ноября 2012 и опубликована 25 декабря 2012.

Введение

Первая беседа с одним из зачинателей политической науки в СССР, историком и журналистом Федором Михайловичем Бурлацким в основном посвящена попытке реформирования советской политической системы — отказу от сталинской Конституции 1936 года и разработке нового основного закона СССР. Работа над конституцией шла два последних года правления Н.С. Хрущева (1962–1964). Но консервативная часть ЦК КПСС оказалась сильнее, и Конституция 1936 года продолжила действовать до 1977 года. Федор Михайлович рассказывает о своей инициативе по реформированию государственной системы, о позиции Хрущева, о работе коллектива политических консультантов, о личных встречах и разговорах с Хрущевым, Суловым, Андроповым и другими руководителями СССР. Несмотря на то, что Федор Михайлович написал несколько десятков монографий и мемуарных книг, личный рассказ участника и очевидца столь важных для нашей истории событий особенно интересен. «Я был уверен, что могу летать. Я забрался на высокий металлический забор, расставил ручонки и полетел...» Это символическое детское воспоминание осталось с ученым на всю жизнь. Остались и стремление к полету, и вывих левой руки.

Дмитрий Борисович Споров: Вы помните первые воспоминания детские?

Федор Михайлович Бурлацкий: Да, конечно. Первые воспоминания образцово-показательные для всей моей биографии — я был уверен, что могу летать. Мне было, наверное, лет пять-шесть, не помню точно. Я забрался на высокий металлический забор, до сих пор помню его, расставил ручонки и полетел...

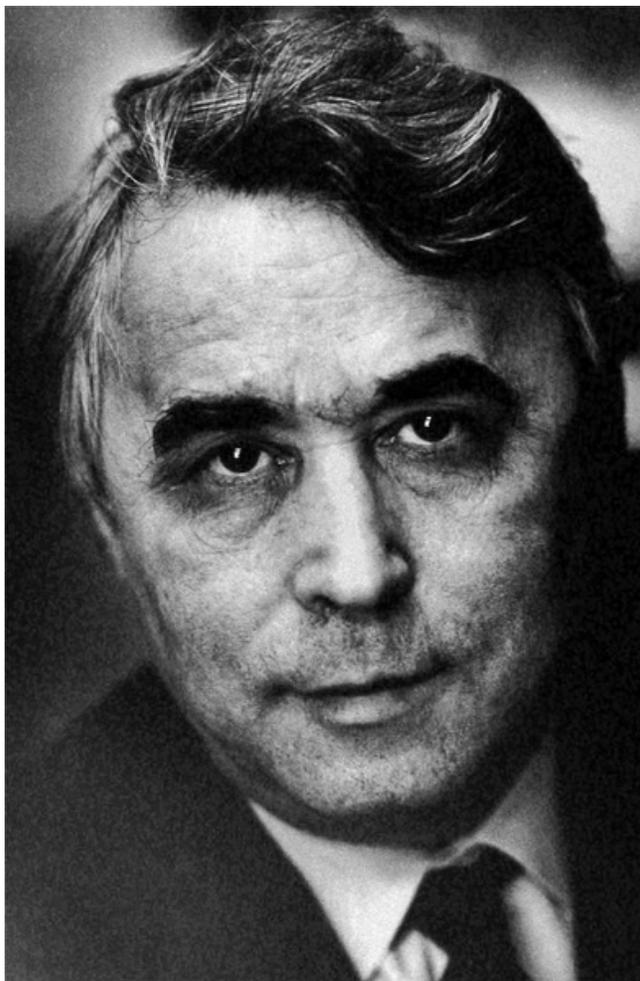
Д.С.: Это первое воспоминание или вы его воспринимаете как первое?

Ф.Б.: Это одно из первых и самое яркое. Просто я упал и вывихнул руку. Это осталось у меня на всю жизнь.

Д.С.: Даже на всю жизнь?

Ф.Б.: Кроме того, это стало в какой-то степени символом моей жизни. Я несколько раз, уже находясь на больших постах, принимался «летать»: ссорился с членами Политбюро, когда надо было быть покорным, отстаивал свое мнение, был инициатором критики сталинского режима после его кончины. Я работал с Хрущевым, четыре или пять раз сопровождал его за рубеж. Последняя моя встреча с ним была во время поездки в Чехословакию. Как раз после этого он приехал в Москву, и его сняли с поста Первого секретаря. И отчасти я был причиной, потому что внушил ему мысль о том, что надо радикально изменить политическую систему и изучить по крайней мере опыт Чехословакии, в которой мы находились в момент нашего разговора. И он во главе со мной организовал группу, которая сидела на даче Горького и готовила проект новой конституции. Это интересно вам или нет?

Д.С.: Конечно.

Ф.М. Бурлацкий - главный редактор "Литературной газеты", 1990 год

Снятие Хрущева. Европейская модель конституции

Ф.Б.: И вот все время называли из ЦК, где я работал, из ЦК партии, и требовали поскорее дать проект руководителю. И вдруг перестали звонить. Я поехал в Москву, чтобы разузнать (это было за городом, по Казанскому шоссе, на даче Горького, там жил Горький в свое время), приехал в ЦК, где я работал, и узнал, что идет заседание Президиума ЦК — снимают Хрущева. Для меня это было известным потрясением, потому что вся наша работа над проектом конституции... а первый вариант я привез с собой.

Д.С.: Долго вы работали над конституцией?

Ф.Б.: Я был за городом вместе с группой около двух лет.

Д.С.: Но не безвыездно же?

Ф.Б.: Только в воскресенье нас отпускали.

Д.С.: То есть два года!?

Ф.Б.: Два года, но это была не только подготовка новой конституции, но и какие-то очередные доклады для руководства страны.

Д.С.: Ну, раз уж вы заговорили об этом, назовите тех, кто там, на даче Горького, вместе с вами обитал. Они известны, но тем не менее...

Ф.Б.: Кто на даче Горького? Бовин Александр, Шахназаров Георгий... Я был руководителем группы консультантов ЦК при секретаре ЦК Андропове Юрии Владимировиче. Я их пригласил, это были мои приятели и, в общем, единомышленники. Группа была человек восемь в ЦК.

Д.С.: Кто еще, не вспомните сейчас?

Ф.Б.: Потом вспомню. Это было так давно.

Д.С.: Хорошо.

Ф.Б.: Еще Арбатов из людей известных. Потом вспомню остальных.

Д.С.: Да, Арбатов.

Ф.Б.: Это была такая элитная группа, собранная мной по заданию Юрия Владимировича Андропова.

Д.С.: И вы в процессе работы были единомышленниками, или были какие-то течения и кланы?

Ф.Б.: Я сам собирал эту группу, и мы, в основном, придерживались того, что считалось тогда «ревизионизмом». То есть таких взглядов, что нам надо идти путем Запада. Я писал об этом — очень неосторожно. Поскольку я был в ЦК, то все считали, что это отражает мнение верхов или, по крайней мере, какой-то их части. Я этим пользовался до определенного момента, а потом, уже когда ушел из ЦК и был политическим обозревателем «Правды» (на уровне главного редактора «Правды» с правом на независимое слово и независимое письмо, которое никто не контролировал), писал такие статьи, которые считались крамольными. Дело кончилось тем, что меня сняли с этого поста по указанию Суслова.

Д.С.: Ну, это уже немного другая история. А какие основные постулаты вы старались вложить в новую конституцию?

Ф.Б.: В целом утвердить новую политическую систему по модели западноевропейских стран, то есть избрать парламент, президента всеобщим тайным голосованием.

Д.С.: На роль президента предполагался Никита Сергеевич?

Ф.Б.: Поначалу да, а потом уже Андропов. Но когда сняли Хрущева, то Андропова передвинули

председателем КГБ, то есть его задвинули.

Д.С.: Ну да. А насколько реально было принятие такой конституции?

Ф.Б.: Если бы она исходила от Хрущева в период, когда он был в расцвете своих сил, то реально, хотя большинство Политбюро было против. И не случайно они избрали Брежнева.

Д.С.: Против просто потому, что это означало утрату их власти?

Ф.Б.: И утрату их власти, и вообще это им было чуждо. Мы все время были антизападниками, и вдруг...

Д.С.: А Хрущев все-таки был способен на это?

Ф.Б.: Хрущев — да. Если вас интересует, я могу рассказать о своей беседе с ним накануне его изгнания.

Д.С.: Расскажите.

Ф.Б.: Я был с ним в последней его поездке в Чехословакию. Нас принимал президент Чехословакии Новотный. Там был еще Громыко, министр иностранных дел в те времена, несколько помощников. После окончания заседания с ними, я попросил Никиту Сергеевича задержаться.

Д.С.: Вы имели такую возможность — просто подойти?

Ю.В. Андропов и Ф.М. Бурлацкий. Тирана, Албания, 1960 год

Ф.Б.: Да, это была третья или даже четвертая моя поездка с Хрущевым. (Меня туда отправлял Андропов, я был его заместителем в ЦК.) Он задержался, и я ему сказал: «Мне кажется, надо подумать о том, чтобы готовить новую конституцию и организовать у нас президентскую республику».

Д.С.: Буквально так вы и сказали?

Ф.Б.: Буквально так и сказал. По модели западных стран.

” Он спросил: «А мне, я председатель Совета министров, какое место отводите?» Я сказал: «Конечно, президента. Вы будете занимать независимое положение, избираться всенародно и контролировать все политические процессы в стране». И странно сказать, это ему понравилось.

Д.С.: А какая его реакция была?

Ф.Б.: Вначале он сказал: «Вы хотите меня снять с поста председателя Совмина?» А потом ему это понравилось, потому что он стал бы независимым от Политбюро. А так он был практически на уровне других членов Политбюро, хотя и считался Первым секретарем, даже не генеральным, а первым. И когда мы вернулись в Москву, он поручил мне...

Д.С.: То есть больше к этому разговору вы не возвращались? Там, в Чехословакии?

Ф.Б.: В Чехословакии, да. Потом в Москве.

Д.С.: А с кем-то еще в Чехословакии вы обсуждали это все?

Ф.Б.: Только с ним.

Д.С.: Только с ним?

Ф.Б.: Только с ним! Громыко был очень консервативный человек, а помощники мне были совершенно не нужны.

Д.С.: А инициатива разговора исходила от вас, или от Андропова, или кого-то еще?

Ф.Б.: От меня.

Д.С.: Только от вас?

Ф.Б.: Только от меня.

Д.С.: То есть это целиком ваша инициатива?

Ф.Б.: Целиком была моя инициатива, да. Я был абсолютно убежденным сторонником нашего перехода к парламентской республике. Произошло это еще в молодые годы, когда я читал взхлеб стенограммы съездов партий сталинского периода, когда он расправлялся со всеми. И до сих пор помню речь Каменева, который сказал на партийной конференции, что у нас складывается режим личной власти и что это может привести к трагическим последствиям для страны. Кроме того, моя мать была членом партии с 17-го или 18-го года, уже не помню точно, и она была сторонником Ленина и противником Сталина. Поэтому у нас в семье господствовал как бы «антисталинизм», и я воспринял это. С этого началось «грехопадение».

Д.С.: То есть, вернувшись в Москву... как дальше развивалась идея с конституцией?

Ф.Б.: Да, вернувшись в Москву, я получил поручение ехать на дачу Горького.

Д.С.: Поручение от кого?

Ф.Б.: От Хрущева, конечно от Хрущева. И там я собрал группу, в основном ученых, и два еще было работника международных отделов ЦК, и мы готовили проект новой конституции. Мне названивали все время из Москвы и торопили.

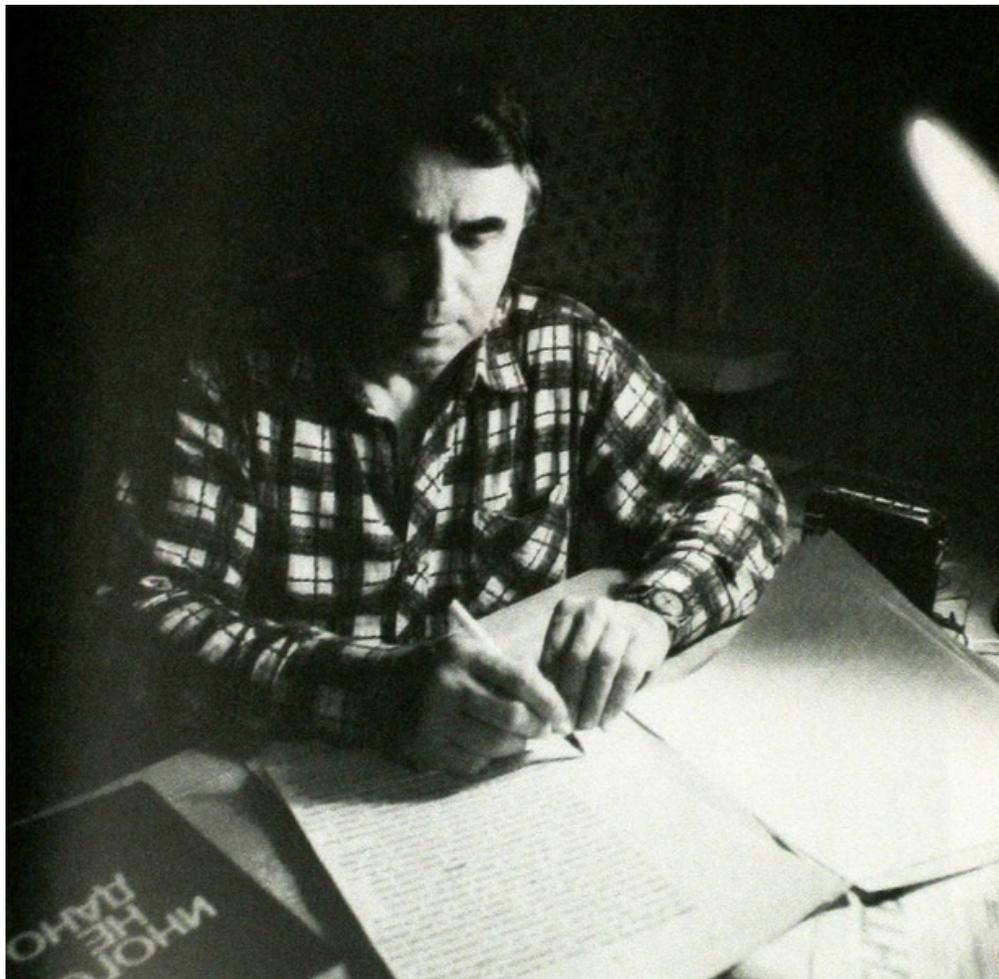
Д.С.: А кто собственно названивал? Куратор?

Ф.Б.: Из международного отдела ЦК, по поручению Пономарева, секретаря ЦК.

Д.С.: А скажите, возможно ли было провести эту работу не в два года, а в полгода или в более короткие сроки?

Ф.Б.: Вначале нас собрали для подготовки докладов первых лиц государства, а потом по нашему уже предложению мы стали готовить новую конституцию, когда я поговорил с Хрущевым об этом.

Д.С.: Но возможно ли было подготовить проект конституции быстрее? Или объективно работа была столь сложна?

Рабочая обстановка. 1960-е годы

Группа единомышленников

Ф.Б.: Нет, мы не два года на самом деле работали, нет, вообще-то около двух лет. Собирали ученых, собирали партийных работников, спорили, потому что не все придерживались таких радикальных взглядов, как я, только те, кого я привлек потом к этой деятельности. Ну, и вот я приехал в ЦК...

Д.С.: Подождите, Федор Михайлович. Почему я этот вопрос задаю? Мне любопытно, не было ли такого настроения среди вашего окружения, что это нужно делать быстрее? Что если здесь получена поддержка на самом высоком уровне, то через месяц может быть совсем по-другому? Такого ощущения не было

у вас? Ведь речь шла практически о коренном преобразовании государственной системы.

Ф.Б.: Конечно, именно об этом. Хотя не все придерживались в нашей группе таких радикальных взглядов, как я, только некоторые. Ощущения такого не было, потому что сам Хрущев по своей инициативе выступил, помнится, на пленуме ЦК с острой критикой Сталина и сталинизма.

Д.С.: Одно дело критика Сталина, другое дело изменение основ.

Ф.Б.: Да, конечно. Но мало кто придерживался таких взглядов, как я. Это были одиночки, в основном. Но среди руководителей ЦК у нас была поддержка. Собственно не поддержка, а был член руководства (может вы слышали такую фамилию) Отто Вильгельмович Куусинен.

Д.С.: Конечно, конечно, да.

Ф.Б.: Он полностью не только поддерживал нас, а сам считал, что нам надо решительно осудить сталинизм и готовить изменение политического режима. Он не был настроен так радикально, как мы, молодые. Я сам получил эти взгляды, посетив одиннадцать стран Западной Европы. Поездка была из Одессы на пароходе вокруг Европы с посещением десятка стран.

Д.С.: А поездка для кого? Кто ехал?

Ф.Б.: Было около двухсот или чуть больше различных активистов: из ЦК, горкомов партии, из органов печати. Это была на теплоходе «Победа» поездка вокруг Европы с заездом во все страны, начиная с Болгарии: Греция, Италия, Франция, Голландия.

Д.С.: Это какой год? Ну, я по книжке вашей посмотрю.

Ф.Б.: Это было в период, когда я еще работал в журнале «Коммунист», по-моему.

Д.С.: Поездка была развлекательная?

Ф.Б.: Это туризм. Первая поездка туристов на теплоходе «Победа», главным образом из аппарата, то есть чиновников и некоторых из печати.

Д.С.: А для чего была сделана эта поездка?

Ф.Б.: Для знакомства с Западом. До этого граница была практически закрыта. Это была первая поездка вокруг Европы с заездом во все эти страны. Я попал в нее, попросился туда, увидел другой мир и был просто потрясен.

Д.С.: Федор Михайлович, если вернуться к проекту разработки конституции, такой вопрос. Вот был ваш разговор в Чехословакии с Хрущевым, а потом, вы говорите, создана рабочая группа. Вы о своем разговоре рассказывали кому-то, делились самой этой мыслью и новыми начинаниями? Или нет?

Ф.Б.: Конечно, вся группа...

Д.С.: Все знали?

Ф.Б.: Все знали, но не знали, в какой степени это поддерживает Хрущев, потому что мне неудобно было на него ссылаться, что есть такая поддержка. Это было не принято. Но они знали, что я направлен Хрущевым.

Д.С.: А какая была реакция людей, которым вы говорили?

Ф.Б.: Некоторые мои приятели, такие как Шахназаров, Бовин... Шахназаров менее активно, Бовин более активно. Он считал, что он был вторым, кто выступал за переход к демократии, я — первым, он — вторым. Он так и говорил: «Федя был первым (это даже у меня в книге написано), а я шел вторым эшелон». Сам пришел к таким же взглядам. И некоторые другие работники аппарата. Дело в том, что два международных отдела, отдел социалистических стран и отдел капиталистических стран, это были люди, которые, в основном, хорошо знали Запад. Многие из них работали на Западе и, так или иначе

склонялись к изменению политической системы. Может быть, не так радикально, как я и очень немногие другие. Но, тем не менее, они считали, что мы должны идти на Запад.

Д.С.: А кто в штывки воспринял ваши идеи? Из тех, с кем вы общались?

Ф.Б.: Большинство аппаратчиков.

С семьей Горбачевых, 1980-е годы

Д.С.: А они тоже были в курсе этой работы?

Ф.Б.: Да, они знали, что создана такая группа, что она работает на даче Горького, что готовится новая конституция, и что эта конституция перехода к парламентаризму и президентской республике. Потому что это не скрывали, работала довольно большая группа людей, и в том числе из аппарата ЦК, и слухи об этом разползались.

”

Надо сказать, что Андропов, когда был в ЦК, сам придерживался довольно радикальных взглядов, правда, не таких как мы. Но, тем не менее, он был необычным человеком, который присматривался к западному опыту, Западной Европе, и склонялся к тому, что нам надо радикально менять политическую систему.

Он тогда поступил крайне неосторожно, попросив меня подготовить записку. Она, по-моему, называлась «О развитии политической системы в СССР», где были поставлены вопросы перехода, в сущности, к президентской власти. И он докладывал это по своей инициативе Брежневу и Косыгину. Причем, он меня пригласил, это было в двенадцать часов ночи, он собирался к ним ехать. А до того он поручил мне написать эту записку. Я, правда, сказал ему: «Юрий Владимирович, вы уверены, что это найдет поддержку?» К власти уже пришли Брежнев с Косыгиным, и он ехал к ним в Германию, нет, с ними в Польшу, по-моему. Он сказал: «Посмотрим». И сделал опрометчивый шаг. Потому что после этого его стали передвигать с поста секретаря ЦК на пост в КГБ, он страшно не хотел туда уходить. Он считал, что его задвинули, что оттуда выхода нет.

Варианты перехода

Д.С.: Скажите, Федор Михайлович, какие, в основном, у вас были споры и направления при разработке конституции? Какие варианты рассматривались?

Ф.Б.: Варианты перехода по примеру Запада либо к президентской, либо к парламентской республике. Это те, которые были настроены радикально, я был не единственным. Варианты перехода с использованием китайского опыта, то есть сохранение режима политического и развитие рынка. И варианты просто усовершенствования той системы, которая была.

Д.С.: То есть все три этих варианта у вас были рабочие?

Ф.Б.: Третий вариант поддерживало большинство работников аппарата ЦК, но международники, то есть два отдела: международный отдел, который занимался капиталистическими странами и отдел так называемых социалистических стран, которые были знакомы с западным опытом или по крайней мере придерживались ориентации на такие страны, как Чехословакия, где был президент и был род республики даже в те времена. Таких было немало. Сторонниками моих самых радикальных взглядов, может быть, не самых радикальных, были также люди за пределами ЦК, которые придерживались еще более последовательно западных взглядов. Но, тем не менее, я был, в общем, «белой вороной». И кончилось это для меня плохо.

Д.С.: Работа шла достаточно длительное время. А вы демонстрировали кому бы то ни было промежуточные формы, или работа была закрытой?

Ф.Б.: Работа была, в основном, закрытой, но мы привлекали ученых из разных сфер, старались в основном тех, кто был связан с партийной работой. Просто много было секретного, но были и некоторые известные ученые, которые работали в Академии наук. Надо сказать, что я выступил первый раз публично в Институте государства и права, где мы собрали представителей ряда институтов, выступил с докладом о переходе к новой политической системе.

” Но поскольку я был работником ЦК и практически заместителем Андропова, то все считали, что это идет от самого Андропова и от какой-то части руководителей ЦК, что я не мог так нахально провозглашать такие идеи от себя лично. И тогда я получил поддержку со стороны ученых. Хотя не все, но очень многие тоже считали, что нам надо идти путем Запада.

Д.С.: А какие-то еще доклады были у вас — промежуточные?

Ф.Б.: Я выступал не раз с публичными речами как один из заметных работников аппарата ЦК партии и, в общем, не совершенно открыто, но достаточно ясно говорил о том, что нам надо идти по пути Западной

Европы, формируя новую политическую систему. Некоторые это поддерживали. Я помню свое выступление в Институте государства и права, где собрались представители разных институтов, и большинство поддерживало эти идеи. Может быть, не в такой радикальной форме, но тем не менее.

Д.С.: Как вы считаете, работа над конституцией, о которой мы сейчас говорим, насколько повлияла на вызревание решения о снятии Хрущева? На снятие Хрущева?

Ф.Б.: Думаю, что она в небольшой степени повлияла. Потому что даже члены руководства ЦК не знали, чем там занимается эта группа.

Д.С.: Но вы же делали открытые доклады?

Ф.Б.: Я делал открытые доклады, но все-таки не все карты открывались, я был не настолько наивен, хотя был достаточно наивен. И я говорю, международники резко отличались в ЦК от тех, кто занимался внутренними делами, потому что они бывали за границей, многие из них работали в посольствах, и в Европе, и в Соединенных Штатах Америки. И знали о другом опыте. Конечно, опасались открыто провозглашать себя сторонниками этого. Помню, как некто Серафим Покровский, который был потом разоблачен как доносчик (он работал в Институте государства и права Академии наук), пригласил меня и Юрия Шахназарова в ресторан и стал откровенно говорить о нашем режиме, о сталинизме. Я чуть было не начал поддерживать его, и Юрий Шахназаров толкнул меня ногой и сказал: «Ну что вы, Серафим Александрович (так звали Покровского), мы собрались в ресторане, чтобы пообедать. Какие здесь могут быть политические дискуссии?» Я понял, что надо быть осторожным. А он явно нас провоцировал. Потому что он посадил до этого несколько молодых людей, аспирантов. До того, как сняли Хрущева, с которым я очень сблизился и которому внушил вот такие взгляды. В какой-то степени он искренне стал их поддерживать, его соблазнила роль президента, что он будет независимым от Политбюро ЦК.

Д.С.: Знали ли вы конституции западных стран и насколько использовали те, что есть?

Ф.Б.: Конечно, я хорошо знал, особенно Конституцию Франции. Поскольку Франция тоже шла от монархии к республике, то этот опыт мне казался особенно ценным для нас. Я очень неплохо знал Англию, бывал в этих странах, собственно, был во всех странах Европы, кроме Ирландии. Я вообще очень много ездил, когда у меня была возможность. Потом меня лишили этой возможности, когда сняли с поста политического обозревателя «Правды». И поэтому я внутренне ориентировался на опыт западноевропейских стран и прежде всего Англии и Франции.

Д.С.: А непосредственно Никите Сергеевичу за те два года, что работали над конституцией, вы какие-то записки, промежуточные варианты предоставляли?

Ф.Б.: Я с Никитой Сергеевичем имел тесный контакт во время поездок, когда сопровождал его по странам Восточной Европы. Была возможность с ним беседовать, но по-настоящему я решился открыть карты в Чехословакии накануне того, когда его изгнали из ЦК. Это была его последняя поездка. Я говорю, что он поддержал идеи перехода к республике в какой-то степени западного типа. Не так радикально, как я, конечно. Засадил нас, группу во главе со мной на даче Горького писать проект новой конституции.

Д.С.: А какие-то варианты этого проекта вы Никите Сергеевичу успели предоставить или нет?

Ф.Б.: Он не ознакомился с ними, потому что мы не считали, что закончили работу, продолжали обсуждать ее. Собственно, когда я приехал в ЦК, когда связь с ним была утрачена, я повез с собой большую тетрадь с проектом новой конституции. Это был первичный проект, он не был совершенен, но там уже была идея президентской республики западного типа.

Д.С.: Так вы никому этот проект и не отдали?

Ф.Б.: Нет, я направил его в ЦК, и поэтому очень многие были настроены ко мне критически. Кончилось тем, что меня сняли с работы, с высокой должности политического обозревателя «Правды». Считалось, что я слишком радикально настроен и прозападец.

Д.С.: После снятия Никиты Сергеевича вы поддерживали с ним контакт?

Мемуары Хрущева

Ф.Б.: Только однажды я поехал к нему и то не один... с Шишлиным, консультантом из моей группы, которой я руководил в ЦК. Он жил на даче по Минскому шоссе. Поскольку я был не один, никакого откровенного разговора у нас не было. Он был очень печален, как раз в эту пору писал свои мемуары. Я вам уже рассказывал, что меня пригласили в Америку, чтобы дать заключение — его ли это мемуары или не его? Они были напечатаны на Западе.

Д.С.: Нет, не рассказывали.

Ф.Б.: Нет? Не помню, поэтому ли или по другому поводу меня пригласили в США в один университет Нью-Йорка. Собрались ученые по случаю моего приезда, это был редкий приезд заметных работников. Я не помню, работал ли я тогда в ЦК или был уже в «Правде». И собралась большая группа американских ученых не только из Нью-Йорка, но и из других городов. Их больше всего интересовал вопрос, подлинные или не подлинные мемуары Хрущева, изданные в Америке? Я имел случай ознакомиться с ними и пришел к выводу, что это его надиктовки.

Я знал его стиль, много раз его слышал. И дал заключение, что это подлинные мемуары. Это было для них очень важно, для этой группы собравшихся в университете американских ученых... приехали даже из Сан-Франциско.

Это была одна из первых поездок заметных работников аппарата ЦК в Соединенные Штаты.

Д.С.: Скажите, у вас, наверное, был служебный автомобиль?

Ф.Б.: Конечно.

Д.С.: И когда были политическим обозревателем, и когда работали в ЦК?

Ф.Б.: Да.

Д.С.: А когда он появился?

Ф.Б.: Поначалу, когда я работал в журнале «Коммунист», у нас был автомобиль для нескольких членов редколлегии, заезжал за нами поочередно. А потом, когда я стал консультантом в ЦК, в особенности, когда я стал руководителем группы консультантов в отделе социалистических стран под руководством Юрия Владимировича Андропова, у меня была персональная машина.

Д.С.: Всем консультантам полагалась машина или нет?

Ф.Б.: Нет, я был руководителем группы консультантов, а консультанты пользовались машиной, но они не были персональными, разъездные так называемые.

Д.С.: Понятно. Да, бесконечно интересная история с конституцией. А упоминалась ли эта работа, когда снимали Хрущева?

Ф.Б.: Там упоминали о том, что он хотел, я уже не помню, кто. Не Брежнев, Брежнев вообще отмолчался. Он занимал такую позицию, будто бы это не его инициатива, он был вообще осторожный человек. А Шелепин, настроенный очень простилиниски, очень злобно, об этом говорил. И он вообще против меня был очень настроен.

Отец и мать

Д.С.: Интересно. Я снова вернусь в детство, с которого мы начали. Какой круг знакомых, друзей отца, матери был в вашей семье? Кто был вокруг вас?

Ф.Б.: Я очень немного застал период, когда мать была активным деятелем партии и в какой-то степени более-менее заметной фигурой в Киеве. Крупская, по крайней мере, принимала ее, когда приезжала в Киев и очень поощряла ее деятельность. Но потом, когда отца посадили в «предварилку», еще не было суда, а в предварительном порядке...

Д.С.: А за что его посадили?

Ф.Б.: За выступление, где он поддержал Каменева, совершенно не зная по-настоящему, кто такой Каменев. В отличие от матери, которая была политизирована с юности, он заканчивал консерваторию и собирался посвятить себя музыке. Он очень хорошо пел и играл на очень многих инструментах. Но после этого неосторожного выступления его посадили, мать каким-то путем смогла взять его как больного на поруки и сбежала вместе с ним в Киев. Потом из Киева в Одессу, а потом, когда я уже родился, в Николаевскую область, там колхозы и совхоз был, районный центр.

Д.С.: То есть мама его фактически выцарапала?

Ф.Б.: Да, она его украла, и отец очень боялся, потому что он как бы сбежал от следствия по ее инициативе. Он бы сам не решился, он был не очень решительный человек, а она была очень решительна.

Д.С.: А потом это имело какие-то последствия? Или нет?

Ф.Б.: Он пошел работать вместо того, чтобы заниматься своей профессией. Успел выпустить книгу, литературную. И писал стихи очень приличные, я хуже писал стихи, чем он.

” Но судьба его сломалась, и они прятались фактически в этом районном центре до войны. А потом эвакуация, работа в Средней Азии, он продолжал работу в финансовых органах, хотя прекрасно пел, играл на скрипке, мандолине, разных других инструментах, потому что получил хорошее образование.

Д.С.: То есть у него высшее образование было только музыкальное?

Ф.Б.: Только музыкальное. Консерватория.

Д.С.: А какой класс? По какому классу консерватории?

Ф.Б.: По скрипке.

Д.С.: А у кого он учился, не знаете?

Ф.Б.: Не знаю. Это было в Петербурге.

Д.С.: Понятно.

Ф.Б.: У нас была скрипка, он играл на ней, потом ее потеряли во время эвакуации. Мы жили в большой бедности, он скрипку больше не купил.

Д.С.: Удивительная история. А кем работал ваш отец до войны? Вы сказали, в финансовых органах.

Ф.Б.: Да, в финансовых органах ревизором. Работал некоторое время в этом районе, потом поехал в Николаев, мы собирались переехать в Николаев как раз перед самой войной. Он вернулся в этот районный центр, где мы жили, и мы уехали в Среднюю Азию. Это была эвакуация перед приходом немцев.

Д.С.: Эвакуировались вы вместе с каким-то учреждением?

Ф.Б.: Большая группа работников в товарном поезде, «товарняк» был и нары, двухэтажные нары. На этих нарах мы переехали в Среднюю Азию. Я поступил в юридический институт, хотя больше всего хотел на философский. Но в Алма-Ате, куда я приехал, не было философского факультета.

Д.С.: Но насколько осознанно было это желание философии? Вы что-то читали уже к тому времени?

Ф.Б.: Да, я очень увлекался философией и в юридический институт сдал экзамен на всякий случай, поскольку думал, что мне удастся уехать в Москву. Но средств не было на такую поездку, мы жили в изрядной бедности. Мать работала врачом, хотя и не имела высшего образования. Работала как практик, тогда это было принято. Она заработала такую возможность.

Д.С.: Значит, уезжали в эвакуацию вы из Николаева?

Ф.Б.: Из Николаевской области.

Д.С.: Из области? А где конкретно вы жили?

Ф.Б.: Калининский район.

Д.С.: В деревне или это районный центр?

Ф.Б.: Районный центр.

Д.С.: И какие условия жизни были у вас?

Ф.Б.: Там была школа-десятилетка, отец был работником финансовых органов, мать исполняла обязанности врача. У нас было две комнаты в общей квартире, но, тем не менее, у меня было счастливое детство.

В США, начало 1990-х годов